

ПОМИЛУЙ И КАЗНИ

Том третий. СУДЬИ И ПАЛАЧИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНДРЕЙ ТАЯС

18+

Андрей Таяс

**Помилуй и казни. Том
третий. Судьи и палачи**

«Автор»

2026

Таяс А.

Помилуй и казни. Том третий. Судьи и палачи / А. Таяс —
«Автор», 2026

Капитан Сиротин живёт по чужой милости: каждый год криминальные Близнецы дарят ему ещё один срок жизни, и каждый год он приходит за этим «подарком». Но теперь он решается на отчаянный шаг — приходит раньше, чтобы предложить им сделку. Его товар — девушка, причастная к цепочке хитроумных убийств и готовая исчезнуть за границей. В клубе «Умка» Сиротин сталкивается с людьми Голландца — бывшими legionерами, жестокими и дисциплинированными, для которых он всего лишь расходный материал. Пока он ждёт встречи, прошлое давит на него воспоминаниями о сломанных судьбах и собственной вине. Когда Близнецы наконец появляются, капитан понимает: его шанс на свободу ничтожен, но другого пути уже нет. Это история о страхе, долге и людях, которые давно перестали быть людьми.

© Таяс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Помилуй и казни. Том третий. Судьи и палачи

Глава

Часть третья

Судьи и палачи

Зверь, самый лютей, жалости не чужд...

Я чужд, так, значит, я не зверь.

Уильям Шекспир

Обвинитель

Сиротин припарковал машину, заглушил двигатель, положил руки на руль и задумался. Те, с кем он решил сейчас переговорить, его сегодня не ждали. Его там никогда не ждали, хотя он туда приходил ежегодно всегда в один и тот же день для того, чтобы получить подарок. Этим подарком ему был такой пустячок, как еще один год жизни. Сегодня он пришел на три недели раньше установленного срока. Пришел он совсем не потому, что его голова уже разваливалась на куски от боли. К этой боли он успел привыкнуть, если, конечно, к этому вообще можно привыкнуть. У капитана появился план. Он решил убить двух зайцев одним выстрелом. Во-первых, он отдаст им Костину. Да, Сиротин положит к их ногам это мясо. Девочка им понравится, они такое любят, они этим питаются. И вот, когда они ее сожрут, насытятся, расслабятся, тогда он и попросит их об ответной услуге. Вернее, о милости. Сергей решил выпросить у них свободу. Он понимал, что вряд ли они его отпустят, но шанс всё же был, маленький, но был, а значит, нужно его использовать. «Даже если не получится освободиться, то как минимум я милую девушку Ксюшу им на растерзание отдам», — мысленно успокоил он себя.

С этой надеждой и этими мыслями он открыл дверь, вышел из машины, резко, громко хлопнул дверью и пошел по улице.

Шел он не торопясь. Вряд ли приговоренные когда-либо спешили на собственную казнь, подумал он. Хотя, заспорил он сам с собой, если бы приговоренному на смерть дали право на выбор между двумя эшафотами: на одном ты умираешь за секунду, на другом — казнить тебя будут целый год, — и до какого добежишь за единицу времени, тот и твой, бедняга бы такой рекорд поставил, залетая на первый! У Сиротина такого выбора не было. Его сразу без проволочек определили на второй. Вот на него он сейчас и шел. Только теперь он шел с надеждой на откуп, на помилование. Надежда была маленькая, малюсенькая, но она была.

Так прошагав два квартала, он подошел к черному трехэтажному зданию. На его фронтоне висел большой неоновый силуэт белого медведя, а чуть ниже и правее неоновая же надпись — «Умка». Это был самый популярный в городе ночной клуб. Он был еще закрыт для посетителей, но персонал уже занимался подготовкой к ночи, и через главный вход можно было войти.

Сиротин подошел к дверям. Две стеклянные половины разъехались перед ним в стороны. Сразу за ними на стуле перед лестницей, что вела наверх, сидел охранник. Крепкий парень в двубортном костюме с книгой в руках, увидев Сергея, поднялся со стула и, ничего не говоря, встал перед ним, преграждая путь.

— Мне нужно поговорить с Близнецами, — сказал Сергей, уставившись в пол. В глаза здесь смотреть кому-либо ему не рекомендовалось.

— Купец, ответь, — сказал охранник, нажав тангенту рации. — Подойди на главный.

В наушник ему что-то ответили. Охранник молча кивнул и, ничего не сказав, так и остался стоять, в упор глядя на Сиротина.

Простояли так они друг напротив друга (хотя, какие, к черту, друзья?) пару минут. Вдруг наверху лестницы появился человек высокого роста, с широченными плечами и тоже в костюме. Сергей узнал его. Одним не самым добрым утром несколько лет назад этот человек вошел в отдел Сиротина, мило поздоровался со всеми, подошел к капитану, тогда еще старлею, и коротким, хорошо поставленным хуком сбил того с ног, а потом молча развернулся и ушел. Ничего Сиротину он не сломал, ничего не выбил, но память о себе оставил. В то утро этот здоровяк так же молча вошел без стука в кабинет к своему начальнику и оставил свою ксиву на его столе. Так для всех он перестал быть командиром роты ОМОНа Борисом Купцовым. Через какое-то время Сиротин встретил его здесь, где был он уже Купцом, начальником службы охраны.

Услышав шаги за спиной, охранник, стоящий перед Сиротиным, не оглянулся и не оторвал взгляда от капитана. Здоровяк подошел и встал рядом с подчиненным.

— Говори, Сар, — глядя на Сиротина как на ничто, приказал Купец.

— Хочет о чем-то с Близнецами перетереть, — ответил охранник.

— Рано пришел, — сказал, будто плюнул, Купец, — на хуй его отсюда, Сар, — приказал, развернулся и пошел обратно вверх по лестнице.

Охранник сделал шаг вперед и сильно толкнул Сиротина в грудь.

— У меня есть то, что им надо! — отлетев на пару метров, выкрикнул Сергей в спину уходящему Купцу. Охранник наступал. — Им это понравится! Пусти, Купец! — Сиротин запаниковал. Его план разваливался, нужно было что-то делать, но что конкретно, он не знал. Его просто не пустили. Как глупо! Охранник подошел вплотную, схватил его за плечо и поволок к дверям.

— погоди, Сар, — сказал Купец, остановившись на лестнице, — тащи это сюда.

Охранник кивнул и молча поволок Сиротина к начальнику. Тот спустился по лестнице, подошел к капитану и пристально сверху вниз посмотрел ему в глаза. Сиротин в этот раз глаз не отвел, выдержал взгляд своего давнишнего врага.

— Ладно, — Купец улыбнулся и потер подбородок, — пойдём. Сар, — обратился он к охраннику, — Лихого в зал вызови.

Купец схватил Сиротина за плечо, потянул и толкнул вперед на лестницу. Сергей по инерции пробежал несколько ступенек, споткнулся, упал, поднялся и пошел вверх, глядя себе под ноги. За ним, выдерживая безопасную дистанцию, следовал Купец.

Поднявшись, они вошли в просторный зал клуба с высоким потолком и длинной барной стойкой посередине. Вдоль стен тянулись полукруглые диванчики с невысокими столиками перед ними. С другой стороны каждого столика стояло по два кресла.

— Налево, — скомандовал за спиной Купец. Сиротин послушно повернул налево. Он бывал здесь прежде много раз и внутреннюю планировку клуба знал отлично. Сергей даже знал, куда его ведут.

— Первый столик справа, — сухо произнес за спиной Сиротина Купец. — Иди к нему.

Сергей пошел куда велели. Он подошел к столу, остановился покорно, тупо уставившись в стену перед собой.

— Стой спокойно, не дергайся, — услышал он голос Купца за спиной. — Руки подыми, ноги в стороны.

Капитан сделал, как ему приказали, широко расставил ноги, развел руки в стороны. Охранник быстро его обыскал.

— Звал, командир? — новый голос за спиной.

— Лихой, принеси стул, посади это на него и стой, смотри. Жопу от стула оторвет — бей, — приказал Купец. — Понял?

— Сделаю, — ответил Лихой. — Дай минуту за стулом сгонять.

Ответа Сиротин не услышал, видимо, Купец просто кивнул. Лихой вернулся очень быстро. Сергей так и стоял спиной к ним, когда охранник, зайдя справа, поставил перед ним стул и толкнул в спину.

— Сел, — приказал он. Сергей сел. Купца в зале уже не было. Охранник опустился на диван сбоку от него.

Так они просидели молча около получаса. Сиротин успокоился и даже зевнул пару раз. Неожиданно глухо хлопнула дверь. Сергей вздрогнул и повернулся на звук. Через боковую дверь в стене справа от бара в зал вошла невероятно красивая девушка со светлыми волосами, стянутыми в хвост на затылке, одетая в брючный костюм. Рядом с ней шел парень лет двадцати. Они тихо переговаривались, не замечая Сиротина и охранника. Подойдя к стойке бара, девушка мельком взглянула в сторону капитана и вздрогнула от неожиданности, тихо охнув.

— О Господи! — она хохотнула, прижав руку к пышной груди. — Я вас не заметила. Так тихо здесь сидите.

— Извини, Катя, — сказал Лихой, встав с дивана. Сергей тоже хотел встать, но охранник надавил ему на плечо, не позволяя подняться со стула. — Мы тут начальство ждем.

Девушка посмотрела на капитана, узнала его и мгновенно поменялась в лице. Она смутилась, побледнела, отвела глаза, поправила волосы.

— Я как-то могу помочь? — спросила девушка, неловко улыбаясь.

— Нет, — Лихой отрицательно помотал головой, — оно хочет с Близнецами перетереть, — он похлопал капитана по плечу.

— Ну и ладно, — девушка снова натянуто улыбнулась. — Если что нужно — Паша вам поможет, — она повернулась к своему спутнику.

— Да без базара, Катюх, — бойко ответил парень, сверкнув золотой фиксой во рту.

Девушка развернулась и пошла к двери с другой стороны бара. Трое мужчин молча проводили ее взглядом.

Сиротин невольно припомнил, как и где он встретил эту Красоту в первый раз. Было это в Железнодорожном РОВД. Сиротин бежал к другу, чтобы предупредить его, предостеречь, но... влетел в его кабинет и понял, что опоздал. Катя стояла на коленях, а его друг и сокурсник Рома Казанцев бил эту красоту по лицу. Таким образом он ее допрашивал. Сиротин вспомнил ее припухшее и покрасневшее от побоев и слез лицо. И кровь. Кровь из разбитого носа, тонкой струйкой пробежавшая ко рту и окрасившая ее губы будто помада. Катя, стоя на коленях, смотрела на Сергея и размазывала кровь по лицу, вытирая слезы. «Будешь сосать, шкура, — Рома с расстёгнутой шириной нависал над ней. — Серый, смотри, какие шлюхи манерные пошли. В полный отказ ушла, сука». Он застегнул молнию на брюках и наотмашь ладонью хлестко ударил девушку по лицу. Та от удара упала набок и заскулила, закрыв лицо руками. Сергей схватил Ромку за рукав, выдернул в коридор, начал объяснять, что он дурак, с ней так нельзя, что ее нельзя трогать, совсем нельзя, и что нужно срочно всё исправлять, может, еще не поздно. Ромка только смеялся: «Ты чего, Серый? Она же рабочая. Она на Гошу Голодного пашет». В общем, не убедил он друга. Вернее, смог убедить только в одном — не надо ее больше прессовать. Но и это не помогло. Голландец тогда в пресс-хате чалился и ничего не знал. Катю Рома тоже в СИЗО заселил и тоже в непростую хату, но ее там никто и пальцем не тронул. За час до ее заселения в камеру залетела малява не от кого-нибудь, а от самой Мани Соболя. Товаркам там кратко объяснялось, что будет с той, кто эту девочку хоть даже словом обидит. Так что отсидела Катя по-легкому, всё книжки читала. Через пару недель после того, как Катя заехала в СИЗО, дело на Голландца закрыли, и он вышел. Она вышла через неделю после него. Еще через неделю Голландец неожиданно встретил Рому возле его дома. Рома сильно перессал тогда, даже с перепугу за стволом потянулся, но Голландец ничего ему не сделал. Он постоял, посмотрел на него с минуту, будто решая для себя что-то, и ушел,

сказав только одно: «А у тебя сильные руки, мусор». Рома очень смеялся, когда рассказывал Сергею об этой встрече. Он по жизни веселый был. Теперь он больше не смеется. Мало веселого осталось в жизни инвалида первой группы. Ничего вообще-то не осталось. Получилось так, что через месяц после их встречи Рома заболел, а еще через месяц у него отказали руки. Отказали совсем. А ноги ослабли настолько, что ходить он больше не мог. Диагноз капитан не помнил, что-то вроде расстройства нейронных связей в центральной нервной системе. И вот теперь когда-то весельчак Рома Казанцев в свои неполные сорок живет в доме инвалидов, потому как жена от него такого отказалась и ушла, прихватив с собой детей и квартиру. Вернее, это он ушел. Бывшая супруга переселила его в этот дом, и здесь он очень грустит. Сам Рома говорит, что в доме этом ему живется в общем-то неплохо и расстраивает его только то, что теперь ни выпить, ни закурить, ни подрочить, ни почесаться, ни самоубиться. И пробует улыбнуться. Улыбнуться у него не выходит. Говорит, забыл, как это делается.

— Лихой, надо чего? — прервал воспоминания Сиротина голос бармена. Сергея он не спросил.

— Воды дай с газом, пожалуйста, — ответил охранник. — Мне от этого отходить нельзя. Купец приказал.

— Имею понимание, братан, — ответил бармен.

Бармена Сиротин знал тоже, вернее, не знал лично, а читал его дело. Павел Иванов, он же Паха Циркач, две ходки по малолетке, оттуда и партаки на руках, как стал совершеннолетним — чуть не заехал на взрослую зону по достаточно серьезной статье, но дело вдруг закрыли, и он прямо из СИЗО трудоустроился в «Умку» помощником бармена. Теперь заведовал баром единолично и с криминалом завязал. Кстати, адвокатом у него был всё тот же господин Валиев, встреченный сегодня Сергеем на парковке перед «Яхонтом».

Паха принес Лихому высокий стакан с бегущими вверх наперегонки пузырьками. Тот поблагодарил и собрался уже снова сесть, когда дверь за баром опять хлопнула, и в зал вошел коротко стриженный кавказец с окладистой бородой. Был он огромен и вверх, и вширь и одет во всё черное. Черный кожаный пиджак, черные брюки, черная рубашка с на две пуговицы расстегнутым воротом. Галстука не было, вместо него шею обвивала толстая, с мизинец золотая цепь. Он вошел в зал, огляделся и увидел Сиротина.

— Это что здесь делает? — спросил он бармена и протянул ему руку для приветствия.

— Без понятия, Бесо, — ответил бармен, пожав руку кавказца. — Лихой его сторожит, вот его и спроси.

Кавказец подошел к Сиротину и навис над ним горой. Лихой встал с дивана.

— Здоров, Бесо.

Они пожали руки.

— Он Близнецов ждет.

— Паха, — Бесо повернулся к бару. — Катя просила передать, что машина с товаром пришла, иди, прими. Лихой, сможешь ему разгрузить, ладно?

Охранник радостно кивнул.

— Сейчас еще и Облом подойдет вам в помощь. А я за этим пока присмотрю, — он зло глянул на Сиротина и сел на освобожденный Лихим диван.

Снова стало тихо, и теперь тишина тяготила. Капитан чувствовал на себе тяжелый взгляд кавказца. Продлилось это недолго. Сергей услышал быстрый перестук шагов — кто-то бежал вверх по лестнице. Шаги приближались, и вскоре в зал вошел, почти вбежал смуглолицый худощавый мужчина чуть ниже среднего роста, одетый в джинсы и короткую кожаную куртку. Он осмотрелся.

— Бесо, — он быстрым шагом направился к кавказцу, — а ты чего один?

Они пожали руки.

— Где командование? Где Свояк? И кто тут насрал? — он показал пальцем на Сиротина.

Кавказец рассмеялся и ответил ему на французском. Из всего сказанного Сиротин понял только одно слово — Русс. Так звали этого худощавого татарина в куртке.

Русс выслушал Бесо, сел в кресло, стоящее рядом с Сиротиным, что-то ответил, и они продолжили непринужденно болтать на французском. Сергей знал, что эти двое выучили французский во время службы в одном подразделении во французском иностранном легионе.

Бесо и Русс просто болтали о чем-то о своем, а Сиротин сидел и терпеливо ждал, уперев руки в колени и опустив голову.

— Э, — резко прервал длинный рассказ Русса Бесо, вскинув руку, и встал, — Голландец.

Сиротин вздрогнул, побледнел и медленно поднялся со стула. Русс тоже встал, радостно улыбаясь. К ним шли двое. Оба одеты в костюмы. Темноволосый был в светлом, светловолосый, наоборот, в темном. Одного роста, около ста восьмидесяти. Одной комплекции. Оба крепкие, широкоплечие. Даже лицом немного схожи, только у светловолосого левая бровь пересечена, словно зачеркнута, коротким белым шрамом. Эти двое тоже о чем-то переговаривались. И переговаривались они на немецком. Светловолосый, он же Антон Шульце, он же Голландец, был по крови наполовину поволжским немцем. Сиротин точно не знал, но предполагал, что языку его научили в семье отца. Темноволосый, он же Никита Верховцев, он же Доктор, всё детство провел на военной базе советских войск в Германии.

— Ну и где Сваяк? — спросил Доктор вместо приветствия.

— Во-первых, здравствуйте, — широко улыбаясь, сказал Русс. — Во-вторых, хуй его знает. Предполагаю, на бабе какой-нибудь сейчас. Никак вынуть не может.

— Здравствуйте, уважаемые, — поздоровался Голландец. — Это что такое? — он показал рукой на Сиротина. — На хрена вы всякую хуйню домой тащите?

— Оно само пришло, — ответил Бесо. — Сидит, вас ждет.

Доктор подошел вплотную к капитану:

— Ты чего здесь делаешь, пес? Голова болит, так ходи — терпи. Еще три недели до срока. Ты чего приполз?

— У меня для вас мясо есть. Вам понравится, — онемевшими от страха губами сказал Сиротин.

Доктор переглянулся с Голландцем.

— Мясо? Интересно, — Голландец сел в кресло. — Излагай.

— Это девушка. Она убила десять человек, — затараторил Сиротин, — вернее, лично убила она одного, убийства других спланировала или косвенно стала причиной их смерти. Всё ради денег. Она забрала деньги и сегодня улетает в Москву, затем летит в Испанию. Навсегда.

Доктор хмыкнул и тоже сел в кресло. Бесо и Русс опустились на диван.

— Как интересно, — Доктор поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее. — Ну давай. Расскажи.

Сиротин тоже осторожно сел на стул. Он не знал, можно ли ему, но его не остановили.

— Всё рассказывать? — на всякий случай уточнил он.

— Всё, что знаешь, — ответил Голландец, тоже поудобнее устраиваясь в кресле. — Ты ведь знаешь, что врать нельзя?

Капитан коротко кивнул.

— Вот и умница. Давай, вещай.

— Приветствую! — неожиданно услышали все.

К ним быстрым шагом шел среднего роста крепкий мужчина в костюме, на ходу завязывая галстук.

— Сваяк, — Доктор выразительно посмотрел на него. — Опять?

— Клянусь, аккумулятор сел, — он молитвенно сложил ладони перед собой.

— Ладно, потом разберемся и накажем, — хлопнул по плечу Доктора Голландец. — Садись. Нам тут Серя мясо в зубах приволок. Будем слушать.

Свояк кивнул, прошел и сел на диван рядом с Руссом. Все пятеро молча смотрели на Сиротина.

— С чего начинать? — растерянно, нерешительно спросил Сиротин.

— С начала, — терпеливо сказал Голландец. — С самого начала.

Сергей поерзал на стуле, собираясь с мыслями.

— Ну, началось с того, что мы нашли в канализационном коллекторе повешенный труп... — начал свой рассказ капитан со смерти Лупанова. Рассказывал он сухо, будто протокол перечитывал. Рассказал, как появился Ворошилов с первым листком, как нашли второй. Потом про второй труп девушки Аллы. И дальше, дальше, дальше.

Он всё говорил и говорил, а его слушали. Внимательно слушали, не перебивая. Даже лица их не меняли выражения. Только когда он рассказал о том, как убил Симонова, пятеро его слушателей заулыбались. Сиротин на секунду растерянно замолчал и посмотрел на Голландца. Тот весело усмехнулся и махнул ему рукой, мол, продолжай. Он и продолжил.

— В общем, записать мне ее не удалось, — закончил он наконец свой рассказ. — И она сегодня улетает, — Сергей посмотрел на наручные часы, — через десять минут.

Он замолчал. Молчали и его слушатели.

— А ты лихой ковбой, Сиротин, — улыбаясь, первым заговорил Голландец. — Я думал, ты шлюха дешевая, а оказалось, нет. Теперь тебя бояться надо.

— Ага, — засмеялся Доктор. — Правда, стрелял он в безоружного. Нет чтобы ему там, например, в ногу шмальнуть, а потом вдумчиво с ним побеседовать, так он злодею почти обойму в грудак положил. Так что не лихой он ковбой, Тоха, а тупой баран. Как был ты тупой шлюхой, Серёня, так ей и остался.

Сиротин растерялся от такого оборота, замолчал. Сказать ему было нечего.

— Коробочку эту дай посмотреть, — сказал Русс. — Она же у тебя с собой?

Капитан кивнул, быстро залез в карман, достал коробочку, передал. Русс взял, повертел в руках.

— Редкая вещь, — сказал он, — и очень дорогая. Я такое уже пользовал. Тут аккумулятор на семьдесят два часа и радиус действия метров пять. Девушка молодец, девушка продуманная, подкованная.

Русс отдал коробочку Бесо. Тот повертел ее в руках, передал Свояку, тот Доктору. Доктор тоже повертел и отдал Голландцу.

— Я ее заберу, — просто сказал Голландец и положил прибор в карман пиджака. — И запомни, мусор, если с Эдмондом чего плохое случится, то сюда можешь больше не приходить. Подыхай тогда, ты меня понял?

— В смысле? — Сиротин покрылся холодным потом от страха. — С каким Эдмондом?

— С Эдиком, который тебе диктофон передал, — тихо ответил Голландец, — полное имя у него Эдмонд. Мама его очень Дюма-отца любила, вот и назвала сына как Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо. Эдик в «Яхонте» работает, «Яхонтом» Конь владеет. Если он узнает, что Эдик мусорам помогал, да еще и в его отеле, то Эдику пиздец.

— Да как? — растерялся капитан. — Да кому я расскажу?

— Ты нам уже рассказал, — рассмеялся Доктор. — Нерпа ты тупорогая.

— Но вы же другие! — заскулил Сиротин. — Вам же можно.

— Нам можно, — басом прогудел Бесо. — Больше никому нельзя, и псов своих предупреди, чтобы молчали. Я Эдика знаю. Правильный папан.

— Да я не собирался никому говорить, — заспешил оправдаться Сергей. — Вам же всё знать надо. Вот я...

Хлопнула дверь. Он замолчал, и все оглянулись на звук. В зал вошли Катя и Циркач. Они подошли к мужчинам. Голландец хотел встать, но Катя положила ему руку на плечо, и он опустил обратно в кресло.

— Сидите, мальчики, — велела она, и мужчины послушно сели. — Там повара уже пришли, давайте, я попрошу их вам что-нибудь приготовить? Вы же голодные?

Все, как по команде, посмотрели на Голландца.

— Спасибо, Катюша, — ласково улыбаясь, сказал он. — Может, попозже? Мы пока не голодны.

— Тоша, — она снова положила руку на плечо Голландца, — ты сегодня с утра ничего не ел. Поешь.

— Я потерплю, — ему было неловко.

— Я попрошу их приготовить что-нибудь легкое, — упрямо сказала она, — и принесу.

Голландец поцеловал лежащую на его плече руку девушки. Она улыбнулась, потрепала его по волосам, развернулась и пошла назад к двери возле бара.

— Паха, — обратился к стоящему рядом бармену Доктор, когда дверь за девушкой закрылась, — выпить бы чего-нибудь? — он посмотрел на всех по очереди, кроме Сиротина. — Может, коньяка? История уж больно забористая.

Мужчины одобрительно кивнули.

— Базара ноль, — ответил Паха, — один секунд коня подгоню честному братству. Этот тоже пить будет? — он показал на Сиротина.

— Пива ему принеси, — сказал Голландец и встал с кресла. — Он заслужил.

Циркач развернулся и пошел к бару. Голландец молча направился к двери, за которой скрылась Катя. Пока Паха суетился и чем-то звенел за барной стойкой, мужчины просто болтали о пустяках. Сиротин сидел молча, набираясь храбрости для самого главного, для того, зачем он сюда на самом деле пришел.

Подошел Паха с подносом в руках и начал осторожно расставлять на столе принесенное: бутылку коньяка, бокалы, вазу с фруктами, тарелку с нарезанными лимонами и высокий пластиковый стакан с пивом.

— В пластиковом стакане? — спросил неожиданно вернувшийся Голландец.

— Не буду я за этим чертом посуду убирать, — угрюмо пробурчал Паха, — Просто выкину стакан, и всё, — развернулся и ушел, напоследок стрельнув в капитана злым взглядом.

— Понятно, — сказал Голландец. Он сел в кресло и бросил на колени Сиротину пухлый конверт. — Бесо, наливай, — приказал.

Кавказец разлил коньяк по бокалам.

— Ну что, братва, — поднял свой бокал Доктор, — вкусное мясо нам Серёня приволок, даже деликатесное. За это и выпьем.

Они сдвинули бокалы, звякнув стеклом, выпили, закусили. Выпил и Сиротин. Он поднял свой стакан и стал пить пиво большими глотками. За пару секунд влил в себя всё.

— Я не понял, Тоха, — сдвинув брови, вдруг заговорил Бесо, — мы что, с девчонкой воевать будем? Серьезно?

— Не-а, — весело ответил Голландец, — войны с ней у нас не будет, — у него азартно горели глаза. — Мы ее Коту скормим. Коты такое страсть как любят.

— А нам с этого какой плюс? — удивился Свояк. — Проще подъехать к ней, кусками ее нарубить, и всё. Кота зачем кормить?

— Скучный ты человек, Свояк, — ответил Антон, — примитивный. Никакой фантазии. Одно слово — снайпер. Пойми, Кот нажрется, насладится, запомнит наш подгон и нам что-нибудь вкусное притащит, под наш профиль. Смекаешь? Коты — люди очень благодарные, добро помнящие.

Свояк понимающе кивнул. Бесо снова разлил коньяк по бокалам. Сиротин сидел молча, тупо уставившись в конверт на коленях.

— Но, — Доктор поднял свой бокал, — слова этой гниды проверить надо. Может, она ему не дала, и он просто ей мстит.

— Может, и так, но вряд ли, — задумчиво проговорил Русс, рассматривая коньяк в своем бокале. — Он, конечно, мразь, но не полный дурак. К нам ее волочь, только потому что его обидели, он бы не стал. Слишком сложно. Но проверить надо. Я до Лазаря прокачусь. У меня с ним взаимопонимание.

— Я про наследство узнаю. У меня одна нотариус есть... — начал Свояк, но не успел закончить.

— Давайте сначала с нашим гостем попрощаемся, а потом распределим обязанности, — прервал его Доктор и удивленно посмотрел на неподвижно сидящего Сиротина. — Мусор, ты как?

Сиротин вздрогнул и посмотрел не на Доктора, а на Голландца.

— Что это? — спросил он, подняв конверт с колен.

— Это пять тонн американских денег, — ответил Голландец. — Заслужил. И еще это, — он засунул руку во внутренний карман пиджака и поставил на стол перед Сиротиным три маленькие круглые коробочки из-под вьетнамского бальзама. — Здесь тебе на три года. Три года можешь жить. Теперь иди.

Сиротин застыл на стуле неподвижно. Доктор удивленно посмотрел на опера.

— Ты примерз? — спросил он. — Встал и пошел отсюда.

— Мне это не надо, — дрожащим голосом проговорил Сергей и положил конверт на стол. Голландец поставил бокал на стол и кивнул Бесо. Тот налил коньяка.

— А что тебе надо? — Антон выпил, закусил лимоном и пристально посмотрел в глаза капитана.

— Отпусти меня, Голландец, — умоляюще сказал он, тоже прямо глядя в глаза своему палачу. — Отпусти.

— Так я тебя и не держу, — сухо ответил Антон. — Тебе же сказали, встал и пошел отсюда и три года не появляйся.

— Ты меня совсем отпусти, — продолжал Сергей. — Я устал так жить. Столько лет прошло, а ты всё меня казнишь. Я ведь нашел девчонку ту. Она в порядке, институт закончила, замуж вышла. И паренек тоже неплохо живет. Так за что ты меня? Может, хватит? Отпусти. Пожалуйста.

Голландец усмехнулся. Сиротин видел, что он не играет, ему и правда весело.

— Ник, — Голландец посмотрел на друга, — а ты опять прав — он тупой.

Он повернулся к капитану:

— Ты так и не понял. Те двое мне вообще не интересны. Не были и никогда не будут. Как они там живут — мне похуй. Всё, для чего они были нужны, так только для того, чтобы ты, падла, из норы своей выполз и объявил, сколько стоишь, дешевка. Как ты этого не понял до сих пор? Как тебя на службе такого скудоумного держат?

— Но... — Сиротин растерялся, — но ты же знаешь, что я денег больше не беру и не возьму никогда, — уверенно сказал он, будто поклялся.

В зал вошла Катя в сопровождении официанта с подносом в руке. Она подошла к столу, подвинула бокалы и тарелки, освобождая место. Официант снял с подноса и поставил на стол блюдо с мясной и сырной нарезкой и ушел.

— Поешьте, мальчики, — сказала она, глядя в упор на Голландца, и осталась стоять, уперев кулачки в бедра.

Антон молча подцепил что-то мясное вилкой, засунул себе в рот, начал жевать. Катя удовлетворенно кивнула и окинула взглядом остальных членов команды. Мужчины потянулись вилками к блюду.

— Ты не берешь только потому, что на цепи сидишь, — прожевав, ответил за друга Доктор. — Ты не мусор. Нет. Ты шлюха. Дешевая вокзальная шлюха. А знаешь разницу между тобой и настоящей шлюхой, Сиротин? Их три. Первая: шлюха телом торгует, а ты честью. Хотя,

я думаю, если бы тебе доплатили, ты бы и раком встал с радостью. Вторая: шлюха своим телом торгует, ты жизнями, здоровьем, судьбами других людей. Ну и третья: шлюхе дай достаточно денег, и она завяжет с такой работой, жить нормально начнет. Тебе же, шкура, сколько ни дай, ты только жаднее, ненасытнее будешь. Так что закрой рот, откроешь, когда тебе позволят.

Злоба. Тихая, бессильная злоба и ненависть бушевали в душе Сиротина. Ответить ему было нечего, и сделать он ничего не мог, а очень хотелось. И он посмотрел на Катю. Прямо в глаза ей посмотрел. И улыбнулся. Он еще и подмигнуть ей хотел, но, к счастью для себя, не стал. В Кате совмещалось несовместимое для обычной женщины: редкая красота и пронзительный ум. Она слышала слова Ника и сразу поняла, что значил взгляд капитана. Опустив голову, не говоря ни слова, она развернулась на месте и быстро пошла к двери. Пока она шла, цокая каблуками по полу, за столом все молчали. Хлопнула дверь. Тишина уже была набатным колоколом. Сиротин заставил себя посмотреть в лицо Голландца. Это было уже не лицо человека — на него смотрел зверь, надевший маску человека.

Бам! В голове грохнуло, в глазах потемнело. От сильнейшего удара каблуком туфли Бесо в ухо Сиротин потерял сознание, упав со стула набок, и пришел в себя от того, что его потянули за волосы. Подняли его с пола легко, будто невесомого. Капитан открыл глаза и попытался встать на ноги, чтобы не висеть подвешенным за волосы.

Бесо держал капитана левой рукой. В правой у него был нож.

— Веселый. Улыбаешься, — кавказец смотрел на капитана, чуть прищурив глаза. — Я ему сейчас рот от уха до уха разрежу, Голландец, — он не спросил, а просто разъяснил свои намерения. — Пусть до конца жизни ходит и улыбается.

— Нет, — ответил Антон и встал, дожевывая. — Ты, Бесо, Гюго перечитал. Нам в Сибири свой Гуинплен не нужен. Как мы такое людям объясним?

Все засмеялись. Даже Бесо. Он отпустил Сиротина, убрал нож. Сергей с трудом устоял на ногах. Что-то защекотало шею слева. Он провел рукой, посмотрел на ладонь. Кровь. Кровь текла из уха, и оно ничего не слышало. Капитан развернулся и пошел, пошатываясь, к лестнице, ведущей вниз к главному входу.

— Вернулся, — услышал он голос Голландца за спиной, но продолжил идти.

«Нужно бежать, нужно бежать отсюда», — только одна мысль была в виски. Бам! Снова удар. Теперь в затылок, но не так сильно, как в первый раз. Он остановился и снова приложил руку. На этот раз правую, чистую от крови. Посмотрел на пальцы. Что-то прозрачное, по запаху яблочный сок. Сергей развернулся и пошел назад к столу.

— Снайпер, я и с яблоком снайпер, — сказал довольный собой Свояк. Русс уважительно похлопал его по плечу.

— Забрал и пошел отсюда, — Антон показал пальцем на конверт и коробочки на столе.

Сиротин послушно взял конверт со стола, засунул его во внутренний карман куртки, жадно потянулся за коробочками, схватил их, зажал в кулаке и смиренно, по-рабски посмотрел на Голландца.

— Мясо хорошее принес, — уже снова став человеком, сказал Антон. — Тащи еще. Будешь богаче и проживешь дольше. Теперь пшел вон.

Отпущенный на свободу на целых три года капитан Сиротин пошел вон, как ему и было велено.

Судья

Ксения сладко потянулась в кровати, мурлыкнула и открыла глаза. Уже приближался полдень, но в ее люксе царил полумрак. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь тяжелые шторы. Она повернулась набок, взяла пульт с прикроватной тумбочки, нажала кнопку. Шторы поползли в стороны, открывая путь солнцу. Девушка зажмурилась от яркого света и, перевернувшись на живот, уткнулась лицом в подушку.

Вылезать из кровати не хотелось, но что делать, придется. Она легла на спину и откинула одеяло в сторону. Полежав без движения еще с минуту, Ксения резко села на кровати, опустив ноги на пол, тут же встала, сбросила с себя пижаму на пол и пошла в ванную.

Она долго стояла под душем. Горячие, обжигающие струи гладили, ласкали ее молодое красивое тело. Сегодня она улетала из этой страны в другую, в новую, счастливую жизнь, и вода смывала с нее прошлое. Начисто. До нуля. До основания. Прошлого у нее больше не будет. Вернее, она придумает себе новое прошлое. Но это потом, сначала нужно подумать о будущем.

Для начала Ксения решила изменить имя. Странно быть Ксенией в Испании, поэтому там она будет Кармен. Кармен Костино. С ударением на И. Очень по-испански получилось.

Выйдя из душа, она оберлась мягким пушистым полотенцем, высушила волосы феном, надела трусики и направилась к своей добыче.

Добыча была свалена в углу гостиной. Подойдя к этой куче, Ксения задумалась, с чего начать. Все эти разноцветные и разноразмерные пакеты с отпечатанными на них именами всемирно известных брендов она стаскивала сюда по одному-два каждый день двухнедельного пребывания в Москве.

Решила начать с отцов-основателей, то есть с Франции. Выбрав из кучи всё французское, она начала примерку. Галлы не подвели — всё изумительно подошло и отлично село. Ксения, пока еще не Кармен, перешла к Италии. Итальянцы, надо признать, победили французов с разгромным счетом. Дальше пошли остальные бренды старой Европы, за ними Северная Америка. Тоже неплохо. Все свои трофеи после примерки Ксения укладывала в огромный свежкупленный чемодан. На всё это у нее ушел час.

Сняв с себя последний наряд и оставшись опять обнаженной, Ксения осторожно сложила обнову и подошла к распахнутому, словно пасть гиппопотама, чемодану. Не ясно было, в чем лететь сегодня. Она задумалась. Нужно надеть что-то красивое, неброское, удобное и под обувь без высокого каблука. Ну, конечно. Она осторожно достала из чемодана светлый брючный костюм и положила его на кровать. Рядом легла блузка, отлично подходящая к костюму по тону.

Решив с дресс-кодом на вечер, Ксения подошла к круглому столу, стоящему посреди гостиной. Пришло время для самого главного, самого вкусного, самого желанного, самого любимого. Пришло время для лучших друзей любой девушки, как называла их Мэрилин Монро. Ксения с нежностью посмотрела на ряд бархатных коробочек, стоящих на столе. Были тут, конечно, и бриллианты, но это не был ее любимый камень. Начала она всё равно с них, самое вкусное оставив напоследок.

Всё шло ей невероятно. Примерив одного из своих дружков, она осторожно, ласково укладывала его обратно в коробочку, как любимое дитя в кроватку, и переходила к следующему. Бриллианты, изумруды, опалы — она любила эти камни, а они любили ее, подчеркивая красоту Ксении и меняя под себя. Папа всегда говорил, что у нее безупречный вкус.

Последними она примерила отливающие живой кровью рубины. Она обожала их, и по тому, как серьги, перстень и кулон сверкали на ее коже, это чувство было взаимным. Всё, решено — они дополняют ее сегодняшний наряд путешественницы.

Девушка принесла легкий титановый бизнес-кейс с кодовым замком. В нем она хранила документы. Положив его на стол, Ксения набрала код замка, открыла и аккуратно сложила внутрь поверх бумаг коробочки со своими лучшими друзьями и пустую коробочку из-под рубинового гарнитура. Оглядев крышки с золотым тиснением, она помахала им рукой, прощаясь, достала из кармашка на задней стенке два паспорта, российский и испанский, и закрыла кейс. Пальцем Ксения прокрутила колесики замка, положила на крышку паспорта и рубины, задумалась. Улыбнулась своим мыслям, припомнив, как она покупала всё это богатство. Нужно выпить, стало понятно ей, и она подошла к бару. Проходя мимо зеркала, вдруг заметила, что из одежды на ней только трусики, вернулась обратно к столу, подхватила со стула халат, надела

его и вернулась к бару. Выбор был очевиден — виски с колой. Наполнив стакан на две трети и добавив пару кубиков льда, Ксения опустилась в кресло в углу гостиной люкса.

Она снова припомнила, как приобретала запертых сейчас в кейсе ее новых друзей. Девушки-консультанты вначале не верили в ее финансовую состоятельность и лениво, неохотно показывали ей понравившиеся вещи. Когда же Ксения объявляла, что берет тот или иной предмет, то ей нарочито медленно, почти по слогам несколько раз повторяли, на какую сумму ей придется раскошелиться, и потом долго проверяли ее банковскую карту. В бутике, где она выбрала для себя пять вещей, продавщица позвала охранника и менеджера. Ей предложили присесть и подождать. Она присела. Охранник стоял рядом, не отходя ни на шаг. Через четверть часа менеджер вернулся вместе с девчонкой-консультантом. Он прогнал охранника и долго искренне просил извинить его за неудобства, ей причиненные. В общем, было весело.

Тут она вспомнила папу. Они как-то вместе смотрели кинофильм, в котором была подобная сцена. Смотрели они его в Лондоне, тоже в люксе. Ксения уже год изучала английский, и папа сказал, что ей нужно смотреть иностранные фильмы только в оригинальном озвучании, чтобы научиться воспринимать и понимать язык на слух.

— Ты всё поняла? — спросил он, когда по экрану побежали заключительные титры.

Ксения уверенно кивнула.

— Ну расскажи тогда, о чем фильм.

— Так, — девушка подняла глаза к потолку, собираясь с мыслями. — Миллионер занимается бизнесом, не очень понятно, каким. После деловой встречи он едет назад в отель и на улице встречает проститутку. Она помогает ему доехать до отеля, и он берет ее с собой. Он предлагает ей остаться у него. За деньги, конечно. Они договариваются о цене, и она остается. Он о ней заботится, покупает одежду, берет на встречу с партнерами по бизнесу. Короче, они влюбляются. Ее пытается изнасиловать его друг. Миллионер его прогоняет и расстается с этой девушкой, но потом он к ней все равно возвращается. Это вкратце. Всё верно?

— Верно, — папа ласково погладил ее по руке. — Так о чем фильм-то?

— Как о чем? — удивилась Ксения. — О любви, конечно. Он встретил ее, он богатый, она бедная, она в него влюбилась, потом он в нее, они расстались, а в конце обратно сошлись. Классика. Так же?

— В общем, так, — папа хитро улыбнулся. — Но я вижу это иначе. Хочешь, расскажу?

— Конечно! — девушка захлопала в ладоши от предвкушения.

— Ну тогда слушай, — папа сел поудобней и подлил себе вина. — Давай разберем детали. У главного героя бизнес. Мы это видим в самом начале фильма. Я тебе объясню, какой, это важно. Он покупает большие компании, разбивает их на мелкие и продает по отдельности.

— А зачем так? — спросила Ксения. — В чем выгода?

— Ты помнишь кафе внизу по улице за углом? — спросил папа.

Дочь кивнула.

— Так вот, пакет жареных кофейных зерен стоит 150 евро, из одного пакета выходит примерно тысяча стандартных чашек кофе. А чашка кофе стоит...

— Пять евро, — перебила отца Ксения. — Ух ты! Получается 5000 евро при затратах в 150. Это выгодней, чем кокаином торговать. Ой, — она смутилась, — прости, пап.

— Ничего, — он усмехнулся. — Там еще затраты на персонал, аренда и так далее, но, по сути, верно. Так у этого бизнесмена примерно такая же схема. Разбить компанию на сегменты и продавать их гораздо выгоднее, чем целиком. Видно, что занимается он этим очень давно и ему это надоело. Скучно. Надо дальше двигаться. У него есть друг, его юрист, который с ним в этой схеме с самого начала, и его всё устраивает. Бизнесмена друг очень задолбал. Он мешает ему двигаться. Его нужно убирать. И вот он едет по улице и встречает проститутку. Девушка, как мы видим, молода и очень красива. С такими входящими данными она могла бы зарабатывать на жизнь иначе, не торгуя собой на улице. Уличная проституция — это низший

социальный слой. С него не начинают, к нему спускаются, катятся, а она в свои двадцать с небольшим уже на дне. Что это значит? Говори, что первое приходит в голову.

— Наверное, она очень глупа, — осторожно ответила Ксения, — и ленива.

— Точно, Сюш, — он так всегда ее называл. — Нормальную работу найти не может, потому что лень. По этой же причине и учиться не хочет. О будущем она совсем не думает. Думать ей, верней всего, просто больно.

Ксения засмеялась.

— Бизнесмен ее увидел и сразу всё про нее понял. Он берет ее с собой, приводит в отель. И первым делом он с ней делает что? — он посмотрел на дочь.

— Моет, — девушка засмеялась, — и предлагает остаться у него на неделю. За какие-то совсем маленькие для него деньги. Точно у него план. Папа, — она обняла его, — ты у меня самый умный.

— Ага, — сказал папа и поцеловал ее в щеку. — Продолжим. Весь фильм он занимается своими делами. Она же целыми днями одна и тоже занимается своим любимым делом, то есть ничем. Вместе они только по вечерам. У него в голове уже целиком сложился план. На всё у него времени не хватает, и он решает часть мелких задач переложить на нее. Для начала ей нужно просто пойти и купить себе одежду, и всё. Заметь, он за весь фильм только однажды дал ей поручение. Так она и тут не справилась.

— Ее в магазин не пустили, она же не виновата, — нахмурилась девушка. — Нехорошо там с ней поступили. Она ведь тоже какой-никакой человек.

— А ты поставь себя на место хозяина магазина, Сюш. Ты хозяин бутика, у тебя богатые клиенты и очень дорогой ассортимент. Вдруг к тебе в магазин заваливает девица, одетая как уличная проститутка. Ты представляешь, что будет, если кто-нибудь из клиентов увидит, что в твоём магазине отовариваются подобного рода люди? Да никто никогда к тебе больше не придет. Бутик можно закрывать.

— Так, а что ей было делать? Не голой же туда идти.

— Не голой, конечно, но и не так. Надо было надеть что угодно, хоть в халате туда идти, но не в этом же. Но она не подумала об этом. Думать вообще не ее. Заметь, когда они потом пошли вместе за одеждой, с ней персонал даже пытался не говорить, по всем вопросам они к нему обращались. Вот они купили одежду, им нужно идти на деловую встречу, и во что он ее одел?

— Во всё красное, яркое, — ответила Сюша задумчиво, чувствуя подвох. — И зачем?

— А чтобы на нее все смотрели, чтобы в глаза бросалась. Она должна была быть очень заметной, — папа пригубил вино. — Пришли на встречу. Туда приходит старик с сыном. Они семья и владельцы, кажется, судостроительного завода, который бизнесмен намеревается купить и уничтожить. Также приходит его друг юрист. А бизнесмен приходит с проституткой. Не заметить это невозможно. По тому, как она себя ведет, как говорит, как держится, также виден ее уровень в этой профессии. Этому деду с сыном деваться некуда, им нужно бизнес спасать, и они вынуждены смириться с присутствием за столом этой особы.

— Ага, — догадалась Ксения. — Поэтому она в красном. Она светится в этом платье как факел. Он показывает всем, как к ним относится. Он в грош не ставит ни их самих, ни их семейные ценности. Для этого и колье на шее, кстати, взятое на прокат. Вот, смотрите, денег у меня до небес, и я делаю что хочу, и с вами и вашим бизнесом тоже сделаю, что мне в голову взбредет.

— Умница моя, — похвалил папа. — Но это была его первая цель. Вторая — друг-юрист. Друг не дурак и тоже всё про девушку понял, но чтобы не наломать дров, уточняет у бизнесмена ее статус. Тот сразу подтверждает догадку юриста, рассказывает, кто его спутница по профессии и где они встретились. Зачем, Сюш?

— Сейчас-сейчас, — задумалась Сюша, — они такие разные. Бизнесмен высокий, статный, красивый и самый главный. А юрист — маленький, толстый, лысый и вечно на вторых ролях. Я думаю, юрист всю жизнь завидовал своему другу. Ему никогда не владеть такими женщинами, какие были у бизнесмена, а тут у него появился шанс. Он овладеет ею, и на это короткое время они станут равными.

— Молодец! — похвалил папа. — Бизнесмен устроил так, чтобы юрист пришел к ней, когда его не будет рядом. Юрист пришел, начал приставать, попытался изнасиловать, но тут появился бизнесмен, разбил ему лицо и прогнал прочь...

— Нет, не так было, — Ксении очень нравилась эта игра. — Юрист ей сначала деньги предложил, но она отказалась. Он же не знал, что она такая тупая. Он ведь умный, ситуацию просчитал. Он подумал, что это, как если бы у его друга личный шофер заболел, он остановил бомбилу на дороге на «копейке» и предложил повозить его недельку. Неделя прошла, бомбиле пора уходить, и юрист предлагает ему и на него поработать. Деньги же бомбиле платили хорошие. Ну понятно, что бомбила бы с радостью согласилась. «Конечно, покатаю, — заорал бы радостный, — и вас, и друга вашего, и всех друзей и знакомых. И вместе и по отдельности. Как скажете, так и буду катать!» — Ксения резко замолчала, смутившись, поняв, что сказала лишнее.

— Грубо, но верно, — папа еще пригубил вина, опустив глаза и пряча улыбку. — То, что она тупая, знал только бизнесмен. Он специально ждал где-то неподалеку. Отказ девушки был прямым оскорблением для юриста. Она не должна же была отказать. Это ее работа. Она за гораздо меньшие деньги спала с последним отребьем, а тут ему отказывает, ставя его ниже всех, кто был у нее прежде. И это незаслуженно. Он сорвался, попытался ее изнасиловать. Тут неожиданно, вот же чудо, появляется друг, бьет его по лицу и прогоняет вон, заявляя, что все связи между ними разорваны. Естественно, включая бизнес. И заметь, бизнесмен угрожает об этом инциденте, если что, рассказать его жене. Всё, теперь юрист у него на коротком поводке.

— Ну, конечно! — Ксения хлопнула себя ладошкой по лбу. — Для этого всё и было придумано. Нужен был повод избавиться от юриста, да так, чтобы тот и пикнуть не посмел. Ты же мне говорил, что друзья могут поссориться только по двум поводам: деньги и женщины. В деньгах к нему было не подкопаться, значит, нужна была женщина. Красивая и тупая. И вот проститутка на дороге. Всё очень удачно сложилось.

— Опять молодец, Сюш, — снова похвалил дочь папа. — Ты заметь, почти сразу после этого он изменил профиль своей компании. Он решил не уничтожать верфь, а заняться постройкой кораблей. Это, как если бы владелец кафе за углом не покупал кофе у поставщика, а сам его выращивал и продавал себе и другим. Его новые партнеры ни слова поперек ему не скажут. Как можно что-то возражать человеку, который на бизнес-переговоры приходит с уличной проституткой. У него нет морали, значит, он способен на всё.

— Но он же к ней в конце приехал, — Ксения с сомнением посмотрела на отца. — Зачем? Его план сработал, зачем она ему нужна?

— А ты помнишь, как он к ней приехал? Она стоит на балконе, он внизу с цветами. Он лезет к ней на балкон, она стоит. Она знает, что он боится высоты, но всё равно стоит и ждет. Ты бы так поступила с любимым человеком? Да нет, конечно, ты бы сама к нему прибежала. А приехал он потому, что она в будущем еще может ему пригодиться. С таким-то талантом. Да и стоит она дешево опять же. Это будет его тайный ресурс. Юрист ведь про нее никому не расскажет. Он же умный.

— Понятно, — задумалась Ксения. — Только одно неясно — почему я не увидела всего этого, пока ты мне не показал, и почему никто не увидел?

— Потому что фильм называется «Красотка». Тебе сразу показали, на кого смотреть. Назывался бы он «Красавец», ты бы его иначе смотрела. Такое в бизнесе часто бывает. Находишь дурака с сомнением величиной с гору, мотивируешь правильно и запускаешь его впе-

ред, как таран. Он летит туда, куда им выстрелили, круша всё на своем пути. Оппоненты всё внимание на нем концентрируют. Они, как этот юрист, не могут поверить, что человек способен быть настолько неумным. А пока они заняты этим гением, ты у них за спиной решаешь свои задачи.

Ксения не спросила тогда папу, чем заканчивается полет этого тарана. Она и так всё поняла. Тот вечерний разговор она запомнила навсегда и благодаря ему сейчас сидела в люксе с видом на Красную площадь, а оба ее тарана, Славка и Лешка, лежали в деревянных ящиках на два метра ниже уровня земли.

Папа ее научил многому и заставлял учиться самой. Языкам, например. Английскому и испанскому. А еще он ей объяснил, как и где вести опасные переговоры, как избежать прослушки, как нейтрализовать милицию, чего они боятся. Адвокат Валиев очень удивился ее просьбе пару часов посидеть в машине на стоянке перед «Яхонтом», но, когда пересчитал деньги в конверте, его удивление как рукой сняло.

Ксения выпила остатки виски и встала с кресла. Часы на стене показывали уже без четверти час. Рейс на Мадрид через четыре часа, такси она заказала на два. Лететь ей сегодня предстоит далеко, так что будет время поностальгировать, а сейчас время собираться. Она потянулась, хрустнув позвонками. Нужно накраситься, одеться и сложить оставшиеся вещи в чемодан.

— Ага, всё верно, только в обратном порядке, — сказала она сама себе, — вперед.

Собралась она быстро, так же быстро такси домчало ее до Шереметьево. Ксения зарегистрировалась на рейс, сдала в багаж свой чемодан-бегемот, прошла паспортный и таможенный контроль и вышла в зал ожидания.

Она стояла и размышляла, чем ей себя занять следующие два часа до вылета. «А чего думать-то, — решила она, — пойду прогуляюсь по Duty Free, куплю что-нибудь на память и в VIP-lounge буду ждать посадки».

Пройдя почти через все магазины, она ничего не купила, но немного устала. Кейс с отдыхающими внутри друзьями уже начинал оттягивать руку. Ксения не стала сдавать его в багаж, ведь друзей не бросают. Нужно идти в VIP. Она повернулась и пошла в зал для пассажиров первого класса. Не дойдя до него пару десятков метров, заметила слева магазин, в котором еще сегодня не была. Девушка решительно повернула к нему.

Пройдя вдоль полок и стеллажей с алкоголем разной крепости, объема, места и года рождения, Ксения остановилась напротив стены с вином и растерялась. Она решила взять с собой в Испанию вино, но какое? Белое, красное, игристое, вермут, портвейн? Что брать?

— Растерялись? — услышала она голос за спиной и обернулась.

На нее смотрел и улыбался высокий светловолосый мужчина в бежевом пальто, надетом поверх темной рубашки с расстегнутым воротом. Его левую бровь пересекал короткий шрам. Выглядел он на тридцать и показался Ксении очень привлекательным. Не модельно красивым, а именно по-мужски привлекательным. Наверное, это из-за его холодных глаз хищника.

«Так. Всё. Я испанка», — быстро решила она для себя.

— Lo siento, no te entiendo (Простите, я вас не понимаю), — сказала она, лицом выразив недоумение.

— Disculpe. Puedo ayudarle? No soy malo con el vino (Извините меня. Могу я вам помочь? Я неплохо разбираюсь в винах), — неожиданно ответил незнакомец на чистом испанском.

Девушка растерялась на мгновение, но тут же собралась.

— Sería muy amable de su parte. Me voy de Rusia y quiero llevarme algo como recuerdo de este país (Это было бы очень любезно с вашей стороны. Я покидаю Россию и хочу взять что-нибудь на память об этой стране), — она быстро нашлась, что ответить.

— En este caso, estás buscando en el lugar equivocado. En memoria de Rusia, gente de todo el mundo bebe vodka (В таком случае вы не там ищете. В память о России люди во всем мире пьют водку), — ответил мужчина, улыбнувшись только кончиками губ.

Девушка рассмеялась. Он нравился ей всё больше.

— No. Gracias. No bebo alcohol fuerte (Нет. Спасибо. Я не пью крепкий алкоголь), — отсмеявшись, ответила она, прижав руку к груди.

— Entonces esto es todo (Тогда вот это), — он взял с полки и повертел перед ней бутылку красного вина.

«Хванчкара» — прочла Ксения название на этикетке.

— Excelente vino. Tómallo, no te arrepentirás. Además, tiene historia. El propio Stalin lo adoraba. Sabes quién es? (Прекрасное вино. Берите, не пожалеете. К тому же оно с историей — его обожал сам Сталин. Вы знаете, кто это?)

— En España todo el mundo conoce a Stalin (В Испании все знают Сталина), — ответила девушка, изобразив возмущение, но у нее это плохо получилось.

— Bueno, por supuesto! Soy un idiota! También te ayudó a luchar contra Franco. Entonces más necesitas tomar este vino (Ну конечно! Вот я ослеп! Он же помогал вам бороться с Франко. Тогда тем более вам нужно взять это вино), — с испанским темпераментом выпалил мужчина.

— Estoy de acuerdo y gracias por el consejo. Me lo llevo (Согласна и благодарю за совет. Беру), — девушка подхватила с полки бутылку, точно такую же, что держал в руках незнакомец, и решительным шагом направилась к кассе.

Он последовал за ней. Она слышала его шаги за спиной. Сердце забилося чаще. Подойдя к кассе, она поставила бутылку на стойку, открыла сумочку, что висела у нее на плече, и принялась искать в ее недрах банковскую карту.

— Я заплачу за обе, — вдруг услышала она, а когда подняла глаза, то увидела стоящего рядом незнакомца. Он протянул наличные кассирше. На стойке стояли уже две бутылки любимого вина Сталина.

— Qué estás haciendo? (Что вы делаете?) — с недоумением и возмущением почти выкрикнула она.

— Me comporté sin tacto y de manera irrespetuosa contigo. Déjame intentar hacer las paces (Я повел себя бестактно и непочтительно по отношению к вам. Позвольте мне попытаться искупить вину), — с покорностью приговоренного сказал незнакомец.

— No entiendo por qué eres culpable de mí (Я не понимаю, в чем вы виноваты передо мной), — удивилась девушка такому повороту. — No fuiste grosero ni falta de tacto (Вы не были грубым или бестактным).

— Claro que yo estaba (Конечно, был), — с досадой в голосе ответил мужчина. — Hablé contigo sin presentarme. Por favor, perdóname generosamente y acepta el vino como señal de expiación por mi culpa (Я же заговорил с вами, не представившись. Прошу, простите меня великодушно и примите вино как знак искупления моей вины), — он протянул ей одну из двух бутылок.

— Bien. Acepto (Хорошо. Принимаю), — ответила Ксения, хитро улыбнувшись. — Y nuevamente no te presentaste (И вы опять не представились).

Незнакомец смешно хлопнул себя ладонью по лбу, улыбнулся и галантно поклонился:

— Антон, — сказал он на чистом русском и продолжил на испанском: — Bebamos una copa de este vino para celebrar nuestro conocimiento. Además, quiero que estés convencido de que no te engañé y que el vino es realmente maravilloso (А давайте выпьем за наше знакомство по бокалу этого вина. К тому же я хочу, чтобы вы убедились, что я не обманул вас и вино действительно прекрасное).

Ксения в душе ликовала. Этот кабальеро нравился ей всё больше и больше.

— Carmen (Кармен), — представилась она и протянула ему руку. Он не пожал ее, а поцеловал, слегка наклонившись. — *Sería genial, pero ahora voy al área VIP. Tengo un avión a Madrid pronto* (Это было бы прекрасно, но я сейчас иду в зону VIP. У меня скоро самолет в Мадрид), — с неподдельной грустью сказала она.

— *Increíblemente, yo también voy allí!* (Невероятно, но я направляюсь туда же!) — сказал Антон и радостно хлопнул в ладоши. — *Ahí comprobaremos si el camarada Stalin entendía el vino* (Вот там мы и проверим, разбирался ли товарищ Сталин в вине).

Ксения весело рассмеялась, а потом просто по-девчоночьи кивнула и подала ему свой кейс. Он подхватил его, в другую руку взял пакет с жалобно звякнувшими бутылками и подставил ей локоть. Она взяла его под руку, и они пошли ко входу в зал для пассажиров первого класса, весело болтая о пустяках.

В зале они устроились за столиком пустующего кафе. Антон подозвал официанта и на русском попросил его открыть бутылку, а также принести пару бокалов и что-нибудь к вину, лучше сыр. Официант поклонился и ушел. Антон продолжил свой рассказ, а Ксения его внимательно слушала. Он, кажется, что-то рассказывал об истории вина, но она не была уверена. Она сидела и любовалась им, не вникая в суть слов.

Вернулся официант, поставил на стол кубиками нарезанные сыры на деревянной доске, два бокала, ловко вкрутил штопор в пробку, потянул на себя. Пробка, прощаясь с бутылкой, выкрикнула глухое «чпок». Вино раскатилось по дну бокалов, заполнив их наполовину. Ксения подняла бокал, поднесла к лицу и потянула носом его аромат. Прикрыла глаза от удовольствия. Пригубила вино. Двузубой вилочкой она поймала кубик сыра, положила его на язык, медленно прожевала.

— *Quiero asegurarles que el camarada Stalin sabía mucho sobre vino* (Хочу вас уверить, что товарищ Сталин знал толк в вине), — томно проворковала она.

— *Así que demosle las gracias por esto* (Так возблагодарим его за это), — с пафосом произнес Антон и поднял свой бокал. Она подняла свой. Выпили не чокаясь. Закусили сыром.

Ксения задумалась, откинувшись на спинку стула. Ей стало вдруг тревожно, она почувствовала на себе чужой взгляд, осмотрелась и тут же увидела за спиной у Антона высокого спортивного мужчину. Он шел к их столику, не отрывая от Ксении своих злых зеленых глаз. Был он того же возраста и роста, что и ее спутник, темные волосы зачесаны назад. Одет в джинсы и пиджак матовой кожи. Улыбался, а глаза оставались холодными и колючими. Ксении стало страшно. Он подошел к ним, встал справа от Антона, оперся рукой на спинку его стула, продолжая всё так же в упор расстреливать девушку своими страшными глазами.

— *Na, was hast du hier?* (Ну что тут у вас?) — спросил он на немецком. Ксения не знала этого языка, поэтому не поняла ни слова. Антон наколот на вилку сырный кубик и положил его в рот. Он был совершенно спокоен. Сейчас он встанет и прогонит этого страшного человека, уверила себя девушка.

— *Sie werden es nicht glauben, aber sie ist bereits Spanierin* (Ты не поверишь, но она уже испанка), — вдруг сказал Антон совершенно спокойным голосом, даже не повернув головы к незваному гостю.

— *Was?* (Что?) — спросил незнакомец и усмехнулся. — *Es ist wie?* (Это как?)

— *Ja das ist es. Ihr Name ist jetzt Carmen* (Да вот так. Ее теперь Кармен зовут), — ответил Антон и ласково посмотрел на девушку.

Незнакомец удивленно поднял брови и наконец-то отошел от их стола. Ксения облегченно выдохнула. Но от тут же вернулся. Со стулом.

— Давайте знакомиться, — сказал он, присев за их столик. — Меня зовут Никита.

Он поднял руку подзывая официанта.

— Еще один бокал, пожалуйста.

Дождавшись, когда ему принесут бокал, он продолжил:

— Нам нужно поговорить, — и налил себе вина.

— No entiendo lo que está pasando (Я не понимаю, что происходит), — испуганно обратилась она к Антону. — Lo que dice? Qué necesita? Ayúdame. (Что он говорит? Что ему надо? Помогите мне.)

— Ксения, это мой брат Никита, — вдруг по-русски обратился к ней Антон. — Нам действительно нужно поговорить.

И тут ей стало страшно. По-настоящему страшно. Получалось, что они знают, кто она, они ее искали и нашли. От этих людей веяло нехорошим. Нужно что-то делать. Нужно бежать! Запаниковала она и тут же одернула себя. Куда бежать? Зачем бежать? Она в самом безопасном месте этой страны. Тут кругом охрана и камеры, а через час она сядет в самолет и Adiós. Они останутся здесь, а она улетит, и им будет ее не достать.

— Я не хочу и не буду с вами ни о чем говорить, — решительно заявила она, — а если вы сейчас же не встанете и не уйдете, то я позову милицию. Понятно?

Мужчины переглянулись. По их глазам Ксения поняла, что испугать их у нее не получилось.

Антон встал со стула, окинул взглядом почти пустой зал.

— Валера! — позвал он, помахал рукой и остался стоять.

— Да, Антон Георгиевич, — услышала она у себя за спиной и оглянулась. К ней подходили двое милиционеров.

— Валера, — обратился к ним Антон, — если ты проверишь сумочку этой барышни, то найдешь там пластиковый пакетик с белым порошком, который может оказаться наркотиком.

Кожа девушки покрылась холодным потом. Они ее обыграли. Они не дадут ей сбежать.

— Позвольте вашу сумочку, — обратился к ней высокий, худой сержант, которого и звали Валера. Ответить она не успела. Второй охранник просто сдернул сумочку с ее плеча. Она попыталась выхватить сумочку из его рук, но Валера взял ее за локоть и потянул к себе.

— Стоим спокойно, гражданочка, — зашипел он ей в ухо, — порядок не нарушаем.

Второй охранник распахнул сумочку, порылся там недолго и радостно извлек маленький пакетик с чем-то белым внутри. Ксения явственно увидела, как на глазах рушится весь ее с таким трудом построенный счастливый будущий мир.

— Это не мое, — тихо заплакала она, — это не мое, — закрыла лицо руками.

— Разберемся, — сказал радостный Валера, доставая из кармашка на ремне наручники.

— Si aceptas hablar, se irán (Если вы согласитесь поговорить — они уйдут), — сказал всё еще сидящий на стуле Никита.

— Я согласна! — тут же выкрикнула Ксения. — Я согласна, — повторила она.

Братья снова переглянулись.

— Валера, это розыгрыш, — Антон извинительно развел руками. — Это, — он поднял со стола пакетик с белым порошком, открыл его и высыпал содержимое себе на ладонь, — сахарная пудра, — лизнул белую горку на ладони, — попробуй.

Валера растерялся, вернул наручники на прежнее место, ткнул пальцем в ту же горку, облизал палец, переглянулся с напарником.

— Антон Георгиевич, — обиженно пробубнил охранник, — ну это ни в какие рамки.

— Прости, Валера, — Антон подошел к охраннику, — веселые мы, — он положил в ладонь ему свернутые трубочкой купюры. — И ты тоже повеселись с другом.

— А, — Валера радостно заулыбался, — понял, — засунул кулак с зажатыми в нем купюрами в карман. — Тогда ладно. Если еще захочите повеселиться — зовите. Поучаствуем с удовольствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.